

тил, что здесь происходит проекция западных описаний на русский ландшафт.¹³ «В знойные часы полдня, — пишет автор, явно следуя за Карамзиным и в выборе материала, — пойду в Петровские роши, дабы отдохнуть там, под благодетельною тенью какого-нибудь дерева на мягкой траве, и буду смотреть на Готический дворец, на куполах коего заходящее солнце будет изливать свой бледный пурпур и золото. — Тут, смотря на этот прекрасный ландшафт, дам я полет моему воображению и пройду в мыслях некоторые положения или картинные описания, читанные мною в „La Forêt“ и притом столь сходные с этим местоположением». Далее упоминается Симонов монастырь, а к названию «La Forêt» делается примечание: «Прекрасный роман мистрисы Радклиф».¹⁴ Умножить примеры подобных описаний столь же нетрудно, как и указать их источник: это экспозиция «Бедной Лизы» с ее элегически окрашенной картиной «мрачных, готических башен» Симонова монастыря, когда «вечерние лучи солнца» пылают на его куполах.¹⁵

К 1793 г., когда пишется «Остров Борнгольм», русская литература, таким образом, оказывается уже эстетически подготовленной к восприятию «готического» романа в его сентиментальном варианте, и элементы его поэтики органически включаются в число привычных поэтических средств. Но европейски известные, вершинные достижения «готического» романа к этому времени еще не были созданы или не могли быть известны Карамзину; из значительных романов Радклиф существовали лишь «Сицилианский роман» («The Sicilian Romance», 1790) и «Лес» («The Romance of the Forest», 1791). В каком-то отношении Карамзин даже предвосхищал традицию классической «готической» литературы, или, во всяком случае, шел ей параллельно, и это неудивительно, так как литературная техника «готического» романа готовилась исподволь, в произведениях, хорошо известных Карамзину, — у Флориана, Бакюляра д'Арно, Прево, в пределах немецкого «рыцарского романа» и т. д. Показательно, что Карамзин как будто сознательно выбирает для перевода и осмысления либо непосредственные источники произведений «готического» жанра, либо близкие их аналоги; так, в «Московском журнале» он печатает «Корделию (Из Вилан-

¹³ А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения. Пгр., 1918, стр. 38 и сл

¹⁴ К. Ф. Сибирский. Мои желания (при наступающей весне). Посвящение брату моему К. А. В. С. Иппокрена, 1799, ч. II, стр. 259—260

¹⁵ Ср., например, отражение этого же литературного канона у Жуковского («Вечер»): «... последний луч зари на башнях угасает».